

И СНОВА — «МОТОР»

Наш собеседник — народный артист СССР Анатолий Папанов

Папанов устал. Только что дважды или трижды отыграл сцену из «Ревизора» (телевидение снимает на пленку этот спектакль) и теперь сидит, уронив голову на ладонь и о чем-то задумавшись.

Медленно поднимает голову и улыбается:

— Ну что, «мотор»?

— Мотор! — говорю я. — Начали.

— С чего начинать-то?

— С самого начала.

— О, как давно это, оказывается, было... В небольшом уездном городке Вязьме, что на Смоленщине. И река там Вязьмой называется. И известен мой родной город на Руси давно, с тринадцатого, кажется, века. А знаменит он тем, что в Отеческую войну 1812 года под ним русские войска нанесли поражение отступавшей наполеоновской армии. Да и в Великую Отечественную войну досталось незваным пришельцам в Смоленских местах... Стоят в Вязьме — вот уже несколько веков — церковь Одигитрии да Троицкий собор. Неподалеку от этого собора и родился я шестьдесят лет назад...

Он вспоминает свое босомое детство, переезд в Москву, неожиданную встречу с Н. К. Крупской во дворе их дома, когда Надежда Константиновна с ребятами высаживала саженцы... Вспоминает, как играл в любительском коллективе ДК «Каучук», потом — работа на 2-м подшипниковом заводе, война... Бои под Харьковом, ранение, да не одно, а сразу три, мотание по госпиталям, демобилизация. Потом — Государственный институт театрального искусства и навсегда — театр...

С тех пор прошло сорок лет. Он стал поистине народным артистом. Сыграл свыше ста ролей. Из них больше половины — в кино.

— Это о чем-то говорит, Анатолий Дмитриевич...

— О том, например, что сегодня я не могу разделить в своей жизни театр и кино. Это как одна семья. Как поделить? Я действительно не могу сегодня назвать одно из этих искусств главным для себя, потому что и в театре, и в кино сыгранные роли одинаково дороги мне, обогатили мою актерскую практику. Как, например, назвать Бродского из спектакля «Интервенция» и не назвать генерала Серпилина из фильма «Живые и мертвые»?.. Или, скажем, назвать Городничего и не назвать мо-

его героя в фильме «Наш дом»? Роли, казалось бы, полные, но одиноково необходимые для достижения актером своей профессии.

— И все-таки всеоюзный зритель знает вас больше по кинематографу. Давайте вспомним, как вы пришли в кино.

Актер смеется:

— Давайте. Только начинайте вспоминать... вы. Ну ладно. В кино я пришел почти сорокалетним. Крохотную и бессловесную рольку адъютанта сыграл в фильме Александрова «Глинка». Это было в шестидесятом. А через год — неожиданное предложение Язанава сыграть главную роль в комедии «Человек ниоткуда».

— Но «звездным часом» актера Папанова в кино стал фильм «Живые и мертвые», роль генерала Серпилина?

— Знаете, я одно лишь могу сказать спустя двадцать лет: не уходит и никогда не уйдет у меня чувство огромного волнения и нежности и к своему герою, и к тем замечательным людям, которые поверили в меня и дали возможность впервые в кино сыграть очень дорогого мне, бывшему фронтовику, человека...

— Одной из важных для себя ролей вы как-то назвали роль рабочего Иванова в фильме «Наш дом». Сейчас, пожалуй, как никогда раньше, выходит много фильмов о рабочем классе. Насколько, товашему, достоверно решается эта проблема в кинематографе?

— Мне очень близка тема рабочего человека: в молодости я работал учеником токаря, а затем и токарем на заводе, был по-человечески влюблен в своего заводского наставника старого мастера дядю Мишу, тихого, застенчивого, с огромной внутренней культурой... Вот что мне хочется сказать в связи с вашим вопросом... Конечно, хорошо, что появилось много фильмов о рабочем человеке. Но как порой неравнозначны эти фильмы, как часто мы идеализируем рабочего, показывая его этаким... полированным, что ли, несложным. Всего и проблем-то у него — дома что-то не ладится, на работе его не поняли, конфликты часто дутые, как мыльные пузыри. Я вот думаю: от чего такое происходит? Ведь рабочий, как, впрочем и человек любой другой профессии, — существо многосложное. И всегда был таким — десять,

тридцать, пятьдесят лет назад. Мне кажется, что следует рассматривать фигуру современного рабочего не по формуле «производство — дом», но во всем комплексе той социальной, политической и культурно-просветительной информации, которую он получает сегодня. И с учетом того, что эта информация как-то укрупняет, усложняет его мысль, восприятие всего вокруг него в жизни происходящего.

— Сейчас много говорят и пишут об образе молодого современного героя в кино и театре. Не думаю, что ваши шестьдесят — повод не участвовать в этом разговоре...

— Это очень серьезный вопрос, он требует отдельного и большого разговора, а не краткого ответа в интервью. Мне трудно судить, насколько полномерно, полноценно разрабатывается тема молодого героя в нынешнем нашем кино, потому что я не имею возможности следить за всеми выходящими фильмами. В одном уверен совершенно: считать такие фильмы должными людьми беспокойные, у которых эта тема болит.

Мне кажется, что одна из задач искусства — это и есть призыв к лучшему, нравственная подготовка людей к будущему. Подготовка к более нравственной цивилизации, к высочайшему братству.

То, что я вижу иногда — а экране (я про молодых героев), вызывает у меня чувство недоумения. Показывают того, кого давно обогнали герои... тридцатых годов. Сегодняшние молодые люди много сложнее своих ровесников 30-х, 50-х, даже 70-х годов. К так называемым вечным проблемам молодых (любви, совести, например, хотя и эти-то проблемы не всегда интересно разрабатываются на сцене и экране) прибавилось много других. А это как раз и не учитывается.

На сцене словно почувствовали, что наш разговор с актером подошел к концу, по местному радио послышалось:

— Анатолий Дмитриевич, ждем вас.

— Ну вот, — улыбаясь, сказал он, — и снова «мотор!».

И артист пошел работать.

У него трудная, но счастливая судьба. И она продолжается.

Беседу вел
Л. НЕПРОВСКИЙ.

Альбертская правда

3-й этаж 1982